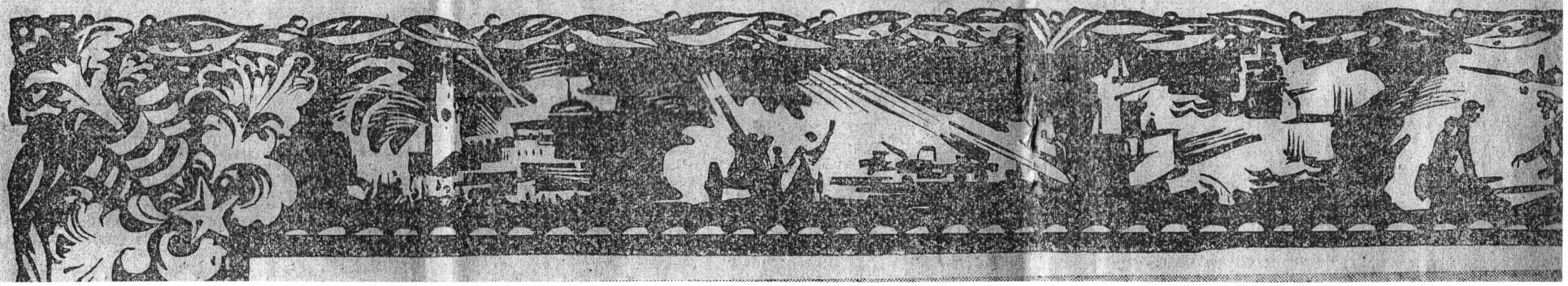
С ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ, ДОРОГИЕ

СЛАВА СЕВАСТ

Орган Севастопольского городского комитета Коммунистической партии Украины и Севастопольского гор

№ 91 (17802) • Понедельник 9 мая 1988 г. • Газета выходит с декаб



И через 46 лет после боя

А КАК хотелось отползти назад, откатиться в сторону — слишком поздно понял, что выбрал для засады очень неудачное место — прямо на муравейнике. Разъяренные вторжением муравьи десятками забирались под одежду и кусали нещадно.

Но он знал, чувствовал даже — стоит пошевелиться, и огонь противника будет неизбежно скорректирован — за подозрительными кустами сейчас через цейсовские стекла наблюдает не одна пара глаз. Так, недвижимо, и дожидался темноты.

Потом, позже, уже после войны, после долгих больничных коридоров, из которых, как думали многие, ему уже никогда не выбраться, Михаил Емельянович Ставинский встретился со своим ротным комиссаром Демьяном Ивановичем Левченко. И Левченко, много потом еще воевавший, признается:

— Всю войну мне не хватало таких ребят, как там, в Севастополе...

Что ж в них такого особенного было, в «его» ребятах, в тысячах других, много месяцев цепко державших на подступах к Севастополю врага?

Это был его первый и последний выстрел в тот солнечный день 28 апреля 1942 года. Из окопов противника ударило очередью крупнокалиберного пулемета. На голову посыпались подсеченные пулями ветки. Изо всех сил вжался в землю, внутри похолодело, понял: засекли.

В подтверждение тому [illegible] ли ложиться и лопаться мины. Много мин. И все летели сюда, чтобы убить всего только одного человека — его, краснофлотца Михаила Ставинского. Да, на снайперов немцы огня не жалели — уж больно и по большому счету те досаждали им. Например, тот, что лежал под пулеметно-минометным огнем, за все время героической обороны Севастополя уничтожил из своей винтовки 80 гитлеровцев.

Часто приходится слышать общие слова о массовом героизме, о феномене севастопольского характера... Красиво, но всегда ли доходит до души, до сердца каждого?.. Не оттого ли и слушают иной раз выступления ветеранов вполслуха да вполуха?

У меня, человека никогда не знавшего войны, есть в 1941 году свой самый памятный день. В нем много солнца, в нем есть небольшая, но чистая речушка...

В балке, по которой она протекает, группами и поодиночке — до сотни, а может и больше людей в выцветших гимнастерках. Не[illegible] купаются, кто-то стирает обмундирование.

Самолет появляется неожиданно и стремительно идет вниз, высыпая пулеметные очереди. Вода становится красной, люди бегут... Куда? Никто не знает. Просто бегут.

Этот рассказ деда о том, как он выходил из окружения, меня когда-то потряс. Я увидел не ту войну, что нам показывали в кино и в книжках. Мне кажется, именно тогда впервые, в девять лет, по-настоящему задумался о войне. Все равно поздно, наверное. Знаете, что недавно услышал от одного первоклассника, которому по жребию выпало в игре быть «немцем»?

— Не хочу! Они глупые, и всегда проигрывают...

Не потому ли почти все ветераны такие невыговорившиеся? Ведь вы послушайте их вне официальных стен. Из подавляющего большинства трех слов о личных подвигах (нам почему-то очень хочется, чтоб у каждого был хоть какой-то подвиг) не вытянешь. Они, чувствуя, что им осталось немного, спешат рассказать, как оно было, предупредить, научить, быть может...

На снимке Михаил Емельянович Ставинский изображен с другим бывшим снайпером 8-й отдельной бригады морской пехоты Владимиром Михайловичем Красильниковым (на его счету около пятидесяти уничтоженных врагов). Тоже повидал немало на своем веку, в июле 1942 года попал в плен и два с половиной года провел в Германии...

Но и он, похоже, не любит рассказов на тему: «Я на войне». Больше говорит о войне, как таковой, которая была вокруг него и товарищей по оружию.

Ведь, в принципе, можно было, например, совсем иначе рассказать об эпизоде с «языком». Потому как, действительно, получив приказ командира роты, очень быстро приволокли в свое расположение... целехонького офицера.

На том можно было и точку поставить. Чем не подвиг?

А Владимир Михайлович добавил:

— Добыть-то, добыли. Но с одним «но». Только у себя в окопах разобрались — уходили за «языком» втроем, а вернулись вдвоем. Третьего бойца немцы тоже утащили...

...А из той памятной для него засады краснофлотец Ставинский вернулся только затемно. Руки потом еще долго дрожали.

— Смерть, можно сказать, в глаза заглядывала.

Знаете, что мне подумалось после этих слов Михаила Емельяновича? Смог бы [illegible] снова и снова идти в засаду? Или в очередной раз за «языком», как Владимир Михайлович?

Наверное, только ответив сначала на этот вопрос, можно по-настоящему оценить и поступок комиссара Д. И. Левченко, который, оставшись один, не бросился зарывать в землю свой партийный билет и пока плыл по морю, выходя из окружения, держал его вместе с пистолетом над головой.

Михаил Емельянович Ставинский до сих пор в письмах и при встречах называет его «мой комиссар». И это через сорок шесть лет после последнего для него боя!

На снимке: М. Е. Ставинский (слева) и В. М. Красильников.